

Н.А. Лукьянова

ДИНАМИКА КОММУНИКАТИВНОЙ СИСТЕМЫ МИФА: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА¹

Томский государственный педагогический университет

Всякий, кто пытается углубиться в теоретические основы культуры, сталкивается с трудностью выбора из богатства экспликаций единственного определения такого понятия, как миф. Мифы прошлого живут сегодня, поскольку «будущее – горизонт проблем, прошлое – твердая почва методов, в прошлом мы ищем тактику, путь, метод, инструмент, которые помогут нам удержаться в проблематичном завтра» [1, с. 168–169]. Исторически миф оказался первым языком описания, который, благодаря своей исконной символичности, послужил удобным средством для выражения и передачи из поколения в поколение вечных моделей личного и общественного поведения, неких сущностных законов социального и природного космоса. Дж. Вико был первым, кто сопоставил миф с языком, что стало началом для исследования мифа в аспекте социальной семиотики (К. Леви-Строс, Р. Барт). Он описал знаковый механизм порождения мифа, показав, как значения слов, «взятые человеком у тел и телесных свойств», переносятся на предметы «ума и души». Р. Барт отмечал, что миф это – слово, избранное историей для определенного социального применения – быть коммуникативной системой; быть способом передачи сообщений, воспринимаемых мгновенно, несущих смысл, угадываемый на бессознательном уровне [2, с. 247]. Кроме того, миф обладает еще одним качеством – вы можете купить часть мифа. В этом случае мифический образ становится частью коммуникационного процесса.

В данной статье будут рассмотрены семиотические и информационные механизмы процесса становления и исчезновения знаковых структур мифа как коммуникативной системы.

В исследовании мы будем опираться на модель информационного процесса (рис. 1), стадии которого налагают, с одной стороны, определенные границы интерпретаций различных точек зрения в понимании мифа, а с другой стороны, дают методологию сопоставления (сопряжения границ) всего множества исследований мифа.

В семиотике, изучающей свойства знаков, строение и законы, управляющие знаковыми системами, которые способны хранить и передавать информацию, существуют две «линии». Началом «линии

Пирса» стало теоретическое обоснование семиотики как учения о знаках. Эта линия была позднее продолжена в математической логике. Ч.С. Пирс впервые, определяет знак как триадическое отношение, которое вызывает динамический процесс интерпретаций. Развивая вслед за Ч. Пирсом процесс функционирования знака, Ч. Моррис пишет, что «Семиотика включает в себя три подчиненные ей дисциплины – синтактику, семантику и прагматику» [3, с. 51]. Которые изучают соответственно синтаксическое, семантическое и практическое измерения семиозиса» [4, с. 10]. Семантика соотносит знаки языка с объектом. Синтактика соотносит знаки друг с другом. Прагматика показывает отношение между знаком и пользователем языка. Эти три основные семиотические функции или даже три основные семиотические сферы вытекают из семиотической модели коммуникации. Знак является посредником между пользователем языка и объектами внешнего мира, а знаковая система – посредником между внешним миром, средой в целом и пользователем. Эти положения, раскрывающие динамические цели коммуникации, стали концептуальными основаниями для выделения каналов (о которых мы будем говорить позднее) трансляции знаковых структур.

Почти одновременно и независимо возникла «линия Соссюра», воплощенная в лингвосемиотике. По словам Ф. де Соссюра: «...по-настоящему сущность знака мы поймем только тогда, когда убедимся, что его можно не только передавать, но что он по самой своей природе предназначен для передачи, изменения» [5, с. 103]. Выделение Ф. де Соссюром синхронического и диахронического аспектов языка, постулирование единства означающего и означаемого в знаке стимулировало массу исследований, в том числе и в российской семиотической школе.

Семиотика стала чрезвычайно актуальной в связи с выявлением глубинной общности проблем теории культуры, мифологии и языка. Фиксируются поразительные проявления мифологического знака в современной культуре. Так, Р. Барт (последователь «линии Соссюра») считает современность привилегированным полем для мифологизирования. Из орудия первобытного образного мышления

¹ Исследования проводились при поддержке гранта РФФИ № 04-06-80192.

миф превращается в инструмент политической демагогии. С другой стороны, М. Элиаде не без основания трактовал социализм в качестве нового эсхатологического мифа. Из символической теории мифа Э. Кассирера мы выносим суждение о том, что конкретно-чувственное мышление может обобщать, только становясь знаком, символом. Методы семиотики используются в некоторых работах Е.М. Мелетинского по вопросам общей теории мифа. Семиотические механизмы культуры выявляли Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский.

Взаимосвязь семиотики («линии Соссюра»), теории информации и исследований культуры проявилась наиболее ярко в конце 60-х годов XX в. в работах, например, У. Эко [6] и Ю.М. Лотмана. По словам Ю.М. Лотмана, «основные понятия теории информации – «канал связи», «код», «сообщение» – оказались чрезвычайно удобными для интерпретации ряда семиотических проблем» культуры [7, с. 8].

Итак, трансляции знаковых структур мифа может рассматриваться в контексте семиотических механизмов культуры. Системы культуры являются самоорганизующимися, что дает основание применять к исследованию механизмов трансляции положения теории информации, полученные в парадигме постнеклассики [8, с. 107–140]. Обратимся к информационной составляющей мифа.

Информацию как феномен, наделенный рядом свойств, исследовал и описал В.И. Корогодина [9]. Соединим известные всем свойства и черты мифа со свойствами информации. Миф дает человеку ориентации в мире в обозначении элементов этого мира. Например, существует версия, что имя бога древних славян Рода фиксировалось в обозначении объектов, появление которых связано с функциями этого божества. Эти слова сохранились в нашем языке: *природа, родина, народ, родник* и т.д. Ощутить *родство* слов и имени бога может каждый знакомый с определенной языковой группой. В соответствие этому можно поставить свойство информации, называемое В.И. Корогодиным «*семантика*»: смысл, содержательность которого определена для конкретной информационной системы. Миф фиксируется в языке, в рисунке обычая, ритуала, в определенной символике, в коллективной памяти. Незафиксированный миф исчезает. Информация обладает свойством *фиксируемости*, поскольку только в зафиксированном на материальном носителе информация может существовать. Одни и те же значения мифа существуют во множестве различных знаковых воплощений: миф может быть танцем, текстом, запахом, звуком, жестом, рисунком etc. *Инвариантность* – это свойство информации, позволяющей сохранять неизменность смысла, представленного в различных кодах. Возмож-

ность одновременного существования одной и той же информации в виде некоторого числа идентичных копий выражается в свойстве *мультипликативности*. Миф существует неизбежно, он приходит к нам из прошлого и живет в настоящем. У информации есть свойство *транслируемости*, благодаря которому возможна передача с носителя на носитель без потери смысла. Миф сохраняется в культуре, но подчас представляет огромную трудность его реконструкция, поскольку воплощенное мифическое представление «достается» нам в «осколках» материальных носителей. *Бренность* информации связана с полным или частичным разрушением материальных носителей, на которых она фиксировалась. Обращаясь к мифам прошлого, «вынимая» их из культурной памяти, люди актуализирует определенную грань многослойного феномена, искажая избирательностью целостность смысла. Свойство *изменчивости* близко бренности информации. Изменчивость проявляется в тех случаях, когда скорость воспроизведения информации меньше скорости ее деградации вследствие проявления бренности. Миф есть форма и коллективного, и индивидуального сознания. Как продукт коллективного, он воспринимается на личностном уровне, причем целостность мифа адаптируется, «примеряется» к «своему». Совпадающее в этом измерении, хоть в какой-то степени полезное для разрешения некоторой ситуации, принимается человеком, чуждое отвергается. Свойство *полипотентности*, в силу которого информация может способствовать совершению целенаправленных действий, состоит в том, что одна и та же информация может служить достижению разных целей, и одна и та же цель может быть достигнута на основе разных информаций. Миф задает определенную социальную структурность, является (или являлся) своеобразным регулятором жизни социокультурных систем. *Действенность* является одним из ключевых свойств информации. Это свойство непосредственно связано с тем, что информация может служить для совершения целенаправленных действий. Информация может стать программой, инструкцией, способом или технологией для достижения поставленных целей. Этот способ (алгоритм) В.И. Корогодина называет *оператор*.

На основе сказанного можно сделать несколько выводов: а) перевод всем известных сущностей мифа на мало кому известный язык свойств информации ничего не дает; б) миф столь же многолик, как и информация; в) явное обладание мифом свойствами информации дают право исследовать его ее объект. Выберем из перечисленного два последних.

Представление о процессуальной природе информации принадлежит И.В. Мелик-Гайказян [8].

Предложена постнеклассическая интерпретация информационного подхода и следующее определение: феномен информации есть многостадийный, необратимый процесс становления структуры в открытой неравновесной системе, начинающийся со случайного запоминаемого выбора, который эта система делает, переходя от хаоса к порядку, и завершающийся целенаправленным действием согласно алгоритмам или программе, отвечающим семантике выбора [10, с. 112–121]. В наглядном виде это определение представлено на рис. 1. Поясним принципиальные моменты этой базовой для нашего рассуждения модели. Многостадийность представлена в последовательности стадий процесса, а его необратимость во времени – в стрелках, связующие эти этапы. Информация генерируется и фиксируется как случайный запомненный выбор (блоки 1 и 2), затем кодируется, то есть облачается в необходимые для дальнейшей передачи знаковые формы (блок 3). Информация транслируется по определенным каналам (от блока 3 до блока 7) для построения оператора (блок 7), предназначенного для достижения целей, которые детерминированы содержанием исходного выбора, детерминированы им. Количество каналов определяется (по крайней мере, в социокультурных системах) структурностью знаковых систем: семантикой, синтактикой и прагматикой. Рассмотрим порядок стадий «внутри» канала на одном из них. Информация трансли-

руется в синхроническом (блоки с арабскими цифрами 4, 5, 6) и в диахроническом (блоки с римскими цифрами) планах. Кодированная в соответствии с «форматом» канала информация передается непосредственно (блок 4), затем она декодируется (блок 5) и воспринимается (блок 6). В диахронии информация передается в «память» (блок IV), хранится (блок V), рецептируется (вспоминается) (блок VI). Информация становится действенной в процессе построения некоторой технологии для совершения целенаправленных действий (блок 9) или тиражируясь (блок 8) в социокультурной системе. Для этого необходим отбор полученной по каналам связи, транслируемой в системе полезной для построения оператора (блок 7) информации.

Модель позволяет сопоставить свойства информации, которые мы обсудили выше, с этапами информационного процесса (10). Свойства семантики (содержание) и фиксируемости проявляются на первом этапе процесса. В силу свойств мультипликативности и инвариантности становится возможным кодирование (блок 3), а также формирование каналов. Процессы передачи информации проявляют свойство транслируемости. Хранение информации с неизбежностью связано с бренностью. Декодирование без существенного искажения смысла происходит на основе свойства инвариантности. Рецепция из «памяти» (блок VI) сопровождается проявлением свойства изменчивости. Процесс ре-

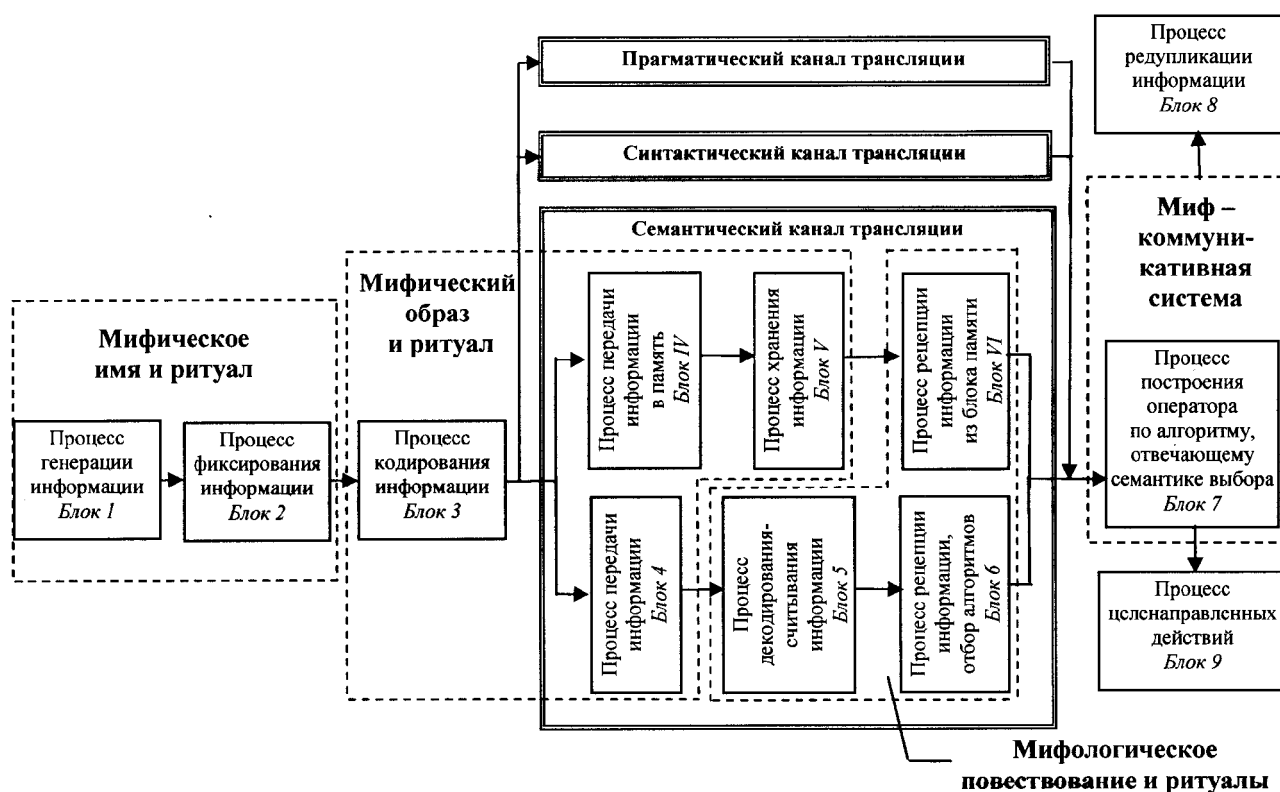

Рис. 1. Информационная модель трансляции семиотических структур мифа

цепции, показанный блоком 5, включает комплекс свойств: фиксируемость, размножаемость, мультипликативность, семантика, инвариантность. Процесс построения оператора (блок 7), прежде всего, основывается на свойствах действенности и полипотентности. Размножаемость и изменчивость информации сопровождает процесс редупликации (воспроизведения) информации (блок 8).

На основе данной модели теперь возможно проследить последовательность перевоплощений мифа, разнообразных проявлений многогранного феномена. Кроме того, становится реальным выявить семиотические механизмы трансляции мифа из исторической глубины до настоящего времени. Но прежде чем приступить к этой смелой реализации, сравним возможности интерпретации мифа на основе модели (рис. 1) и сложившихся направлений исследования мифа.

В психологические направления исследования мифа выявлялись сложные ассоциативные связи между сознательным и бессознательным, зашифрованные в символическом коде, архетипах мифа. Работы В. Вундта, К.-Г. Юнга, З. Фрейда акцентировали взаимосвязи процессов кодирования и рецепции во всех представленных в модели каналов.

Миф как отражение реалий иных миров и непроявленных смыслов, трансцендентный и внеэмпирический представлен у Ф.В. Шеллинга. В этом мы видим результат исследований того, что должно происходить между стадиями генезиса и кодирования (блоки 1–3), того, что разворачивается в семантическом канале. С другой стороны, в исследованиях, например Г. Спенсера, миф выступает как организирующее начало социальных отношений и общественных связей. В обсуждаемой модели эта роль мифа выражается связью воздействия прагматического канала на работу оператора (блок 7).

Согласно выводам одних исследователей (А.Н. Афанасьева, Ф.И. Буслаева, Я. Гримма), миф формирует основные лингвистические структуры (блок 3). Казалось бы, этому противоречит позиция (например, И.М. Тронского и О.М. Фрейденаберг), согласно которой миф бессловесен и наиболее полно выражается в пластической структуре обряда, то есть осуществляется выражение семантического (блоки 1–3) ядра в канале, транслирующего синтактику знаковых систем.

С точки зрения мыслителей эпохи Просвещения, миф – это фантазия, являющаяся результатом невежества (изменчивость, проявляемая в этапах VI и 8). Структурность и логическую продуманность мифа доказывали В.В. Иванов, К. Леви-Строс, В.Н. Топоров (воздействие семантического канала на построение оператора).

В далеко не полном перечислении направлений, концепций и теорий мы смогли найти им соответ-

ствие в модельном представлении динамики мифа. Мы склонны усматривать в этом соответствии подтверждение релевантности информационно-синергетического подхода задачам исследования мифа. Итак, миф предстает как – исходная точка сакрального; вербальный или невербальный образ; повествование; воплощение в формы социальной жизни исходной сакральной матрицы мира. Модель позволяет усматривать в этих разных трактовках не столько противоречия, сколько возможность определения границ интерпретаций сущностей мифа и мифологий.

Рассмотрим этапы становления мифа как знаковой системы.

Не существует достоверных представлений о том хаосе, который предшествовал рождению мифа. Чаще всего апеллируют к теории архетипов К. Юнга. Несомненно одно, когда-то миф преодолел хаос ориентаций человека в мире, создал первую интеллектуальную картину мира. Началом этой упорядоченности было именование мира. Итак, на первом этапе своего существования миф рождается как *имя* [11]. На этой стадии генерации информации фактически отсутствует детализированный образ. Это только имя как вид, лик. Ритуал в этом случае проявляет себя как акт воссоздания сущности, находящейся в имени. Эту осязаемую отличность и фиксирует мифическое имя. Сделать данный вывод позволили, помимо логики приведенной модели (рис. 1), работы, например, А.Ф. Лосева. Далее в процессе кодирования архаичное сознание объединяет имя и облик, интуитивное ощущение переходит в восприятие, восприятие в образ и создается синкретический мифический образ. О мифе как об образе писали О.М. Фрейденаберг, Л. Витгенштейн, Я. Голосовкер, А.Ф. Косарев, В.Н. Топоров, Вяч.Вс. Иванов и др. На этапе кодирования синкретический мифический образ становится знаком, готовым к передаче по каналу связи либо пользователю, способному считывать и декодировать информацию, либо в блок «памяти». На этой стадии синкретический образ не разграничивает слово, вещь и действия [12, с. 615] и выступает как триада «мысль–слово–дело» [13, с. 34–47, 279].

Итак, следуя модели, мы можем утверждать, что, во-первых, трансляция образа требует трех каналов, которые «создаются» как самой триадой мифа, так и природой знака, разрабатываемой «линией Пирса». Во-вторых, внутри каналов возможна трансляция образа как синхронно, так и диахронно. Таким образом, с одной стороны, мифический образ и связанный с ним ритуал существуют сейчас и являются частью семиосферы общества в данный момент времени. С другой стороны, созданный мифический образ может быть отправлен в «память»,

оставаясь нереализованным сегодня. Однако он был вчера и, возможно, проявит себя завтра, когда станет более востребованным.

Продемонстрируем сказанное на примере. Обилие и разнообразие мифов о фениксе (фойнике) свидетельствует о притягательности этого образа вечной жизни и перерождения. В переводе с греческого слово феникс означает «яркоперый». Имя этой мифологической сущности возникло для обозначения постоянного возвращения, определяющего сакральность Поворота. Имя, естественно, было разным, но в нем сочетались понятия птицы и движения огня. Так, в славянских мифах – это жар-птица. Первоначально это мифическое существо не имело общего визуального образа. Позднее феникс принимал различные образы птицы, например орла, журавля или пеликана, то есть миф о фениксе имеет множество воплощений в синхронии. В Древнем Египте феникс, прежде всего, ассоциировался с солнцем Ра, в Риме – как напоминание о войнах, павших в бою. В мифах Китая феникс (фэнхуа) принимал образ праведности, мощи и процветания, объединяющий инь и ян. У китайского феникса большой клюв, змеиная шея, черепаший панцирь и рыбий хвост. В клюве он держит два свитка, а его песня включает все пять китайских нот. Перья птицы окрашены в пять основных цветов: белый, черный, красный, зеленый и желтый. Итак, феникс обозначает постоянство перерождения, а «дифференциация» этого существа начинается с расхождения в деталях образа.

Последний этап трансляции знаковых структур мифа определяется нами как мифологическое повествование (рис. 1) – одна из наиболее динамичных знаковых структур мифа. Мифологическое повествование в синхронии является развертыванием мифического образа. У каждого народа существует свое повествование о фениксе. Например: феникс жил в прекрасной райской земле, питаясь светом звезд. Через тысячу лет, почувствовав приближение смерти, он покинул это место и улетел в Финикию, страну, названную в честь него. Там на самой высокой пальме он свил себе гнездо и запел. Его песня была так прекрасна, что Солнце остановило свою колесницу, чтобы послушать ее. Солнечные лучи зажгли гнездо и пламя поглотило феникса, но на его месте немедленно появился новый. Когда птенец окреп, он подхватил гнездо, ставшее погребальным костром его родителя, и отнес его на алтарь Ра (Солнца) в город Он (Гелиополис – город Солнца). За ним следовало множество разных птиц. Возложив гнездо на алтарь, феникс улетел обратно в свой райский сад под прекрасную песню всех птиц. У Клемента встречается интерпретация феникса как бессмертной души. В диахронии миф как повествование, как мифология начинается с процесса «рецеп-

ции из памяти». Выше мы описали особенности этого процесса (блок VI). На этом этапе проявляется то, что позволило Р. Барту характеризовать миф как *похищенное* и *возвращенное* слово [2, с. 250]. Похищается из памяти миф-образ и возвращается миф-повествование, но в силу свойства изменчивости мифология значительно разнообразнее мифа-образа. Примером этого разнообразия может быть весь спектр повествований о фениксе: от «Книги вымышленных существ» Х.Л. Борхеса до книг Джоан Ролинг о Гарри Поттере [14].

Итак, мифический образ существует во многих воплощениях сегодня (синхронический канал трансляции), вчера и завтра (диахронический канал трансляции). На основе модели (рис. 1) мы проследили процессы перевоплощения мифа как имени, образа и повествования, то есть процесса трансляции. Что же заставляет работать миф сегодня и быть частью нашей жизни? Выше мы обсуждали такой этап информационного процесса как оператор (блок 7). Эта стадия, на которой вся «доставленная» информация по всем каналам становится действенной, служит созданию способа, инструкции, программы для совершения целенаправленных действий. Для определения четвертого воплощения мифа в информационной динамике (вслед за именем, образом, повествованием) важно понять, каким целям служит миф сегодня.

Итак, миф транслируется и проходит этапы: имя – образ – повествование. Какую технологию миф создал, или чем миф стал сегодня? В качестве оператора миф стал коммуникативной системой? Если это так, то каким целям он предназначен? Как доказал Р. Барт, определяющим для мифа является способ, которым он высказывается. Этот способ и является сущностью мифа-оператора, мифа коммуникативной системы.

За ответом обратимся к работе Ролана Барта «Миф сегодня» [2], в которой доказывается, что миф – это слово, избранное историей для определенного социального применения – быть коммуникативной системой; быть способом передачи сообщений, воспринимаемых мгновенно, несущих смысл, угадываемый на бессознательном уровне. Определяющим для динамики мифа является способ, которым он высказывается. Работа каналов (здесь мы объединяем обе «линии» семиотики) вырабатывает множество культурных социокодов. Это множество определяется всей палитрой мировых культур. Инвариантом этих социокодов является компонента мифа. Этот инвариант является тем «общим знаменателем», который необходим для коммуникаций в поликультурном мире. Социокод – это способ фиксирования программ социального поведения, общения и деятельности [15]. «Эти программы существуют в виде знаний, навыков, уме-

ний, образцов деятельности, поведения и общения, норм, правил, ценностей, мировоззренческих установок. Условием хранения и трансляции этого опыта является его фиксация в особой знаковой форме» [15, с. 20].

Миф на данном этапе не просто образ или повествование, это материал, уже наделенный определенным значением и обработанный с целью определенной коммуникации [2, с. 235]. По сути, это и есть процесс функционирования мифа как оператора коммуникационной системы, определенного Р. Бартом как значение, третий элемент семиологической системы [2, с. 246]. Прибегая к пространственным метафорам, Р. Барт сравнивает значение мифа как итогового элемента вторичной системы со стендом-вертушкой, на котором означающее постоянно оборачивается то смыслом, то формой, то языком-объектом, то метаязыком, то чисто знаковым, то чисто образным сознанием [2, с. 248]. Для целей нашего исследования это важно, поскольку такое сравнение позволяет выявить особенности трансляции мифа по диахроническому и синхроническому каналам. В значении миф действительно выполняет двойную функцию: с одной стороны, как означающее (*смысл – форма*) он обозначает и внушает, с другой стороны, как означаемое (*понятие*) дает адресность и требует понять. Смысл является для формы чем-то вроде хранилища конкретных событий, он заключает в себе целую систему ценностей. В форме все это богатство устранивается, она должна быть наполнена новым значением. Таким образом, при трансляции мифа в синхроническом аспекте в истории культуры существуют одновременно мифологическое означающее (*смысл и форма*) и означаемое (*понятие*), образуя тем самым повествовательный миф, актуальный сейчас. С другой стороны, существуя в диахронии, миф теряет свою предназначенность. Поскольку мифические понятия не устойчивы, они меняются, исчезают. На этапе кодирования миф (значение) как бы замирает, а означаемое (*понятие*) исчезает или/и теряется во времени, остается

означающее (*смысл – форма*) – мифический образ. Именно в этой игре означающего и означаемого миф, согласно интерпретации Р. Барта, проявляется как *похищенное* и *возвращенное* слово [2, с. 250]. Если мы вглядываемся в означающее мифа как в целостную неразличимость смысла и формы, то срабатывает заложенный в мифе механизм, его специфическая динамика и «читатель переживает миф как историю одновременно правдивую и реальную» [2, с. 254]. То есть, обращаясь к прошлому, мы извлекаем мифический образ из памяти, включая в современные процессы коммуникации. Живя в меняющемся мире, мы ощущаем целостность мифа, что заставляет нас вспоминать и реконструировать снова и снова, искать пути к истокам нашей памяти. Однако миф становится коммуникационной системой при наличии соответствующего культурного тезауруса. Для процесса редупликации (блок 8), для тиражирования в социокультурной системе известных всем знаков возможно и авиакомпанию назвать фениксом. Для целей создания единого коммуникативного пространства важны знаки, не требующие «перевода» на другой язык культуры. Эти знаки могут дать музыка и миф. Так, когда Токио называют городом-Фениксом, миф уже работает как коммуникативная система, в которой нет чужеродных знаков.

Как отмечает теоретик массовой коммуникации М. Маклюэн, миф не хромает, а прыгает (здесь полезно вспомнить английское выражение *to jump at conclusions*, дословно «прыгать на выводы», т.е. приходиться к выводам без рассуждений). Мы увидели траекторию этих «прыжков»: имя–образ–повествование–коммуникативная система. Таким образом, модель (рис. 1) позволила на основе аналогии этапов информационного процесса и перевоплощенный мифа сопоставить сложившиеся традиции исследования этого феномена. Помимо определения границ интерпретаций, модель дает возможность находить области в современном коммуникативном пространстве, подверженные влиянию коллективного мифа.

Литература

1. Ортега-и-Гассет Х. Бесхребетная Испания: Сб.: Пер. с исп. // Х. Ортега-и-Гассет. М., 2003.
2. Барт Р. Мифология: Пер. с фр. / Вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. М., 1996.
3. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М.; Екатеринбург, 2001.
4. Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. 2001. Вып. 3 / 4.
5. Соссюр Ф. Де Заметки по общей лингвистике: Пер с фр. / Общ. ред., вступ. ст. и коммент. Н.А. Слюсаревой. М., 1990.
6. Эко У. Открытое произведение. СПб., 2004.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2001.
8. Мелик-Гайказян И.В. Информационные процессы и реальность. М., 1998.
9. Корогодин В.И. Информация и феномен жизни. Пушино, 1991.
10. Мелик-Гайказян И.В., Мелик-Гайказян М.В., Тарасенко В.Ф. Методология моделирования нелинейной динамики сложных систем. М., 2001.

11. Лукьянова Н.А. Семиотические механизмы трансляции мифа // Труды философ. Всерос. семинара молодых ученых им. П.В. Копнина. Томск, 2001.
12. Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. I. М., 1998.
13. Косарев А.Ф. Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость. М., 2000.
14. Ролинг Дж. Гарри Поттер и Орден Феникса. М., 2004.
15. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. М., 1992.

Л.Р. Тухватулина

ПРИНЦИПЫ КЛАССИФИКАЦИИ МОДЕЛЕЙ КОММУНИКАЦИИ¹

Томский государственный педагогический университет

Современный этап развития общества наглядно показывает, что основными ценностями нашей жизни становится мобильность, динамика, информация и коммуникация. Природа, механизмы и сущность коммуникации привлекали внимание исследователей достаточно давно, но настоящий «бум» в изучении коммуникации начался с 40-х годов XX в. Уже к середине XX в. только в «философской и социологической литературе насчитывалось около сотни определений коммуникации» [1, с. 10]. В качестве примера можно привести наиболее распространенные дефиниции:

– коммуникация – это «передача информации, идей, оценок или эмоций от одного человека (или группы) к другому (или другим) главным образом посредством символов» [2, с. 39];

– «обмен информацией между сложными динамическими системами и их частями, которые в состоянии принимать информацию, накапливать ее, преобразовывать» [1, с. 11];

– «под коммуникацией в широком смысле понимается система, в которой осуществляется взаимодействие, и процесс взаимодействия, и способы общения, позволяющие передавать и принимать разнообразную информацию» [2, с. 39];

– «передача информации (идей, образов, оценок, установок) от лица к лицу, от одной культур-единицы к другой; линия или канал, соединяющие участников обмена информацией; взаимодействие, с помощью которого информация передается и принимается; процесс передачи и приема информации» [3];

– «специфический обмен информацией, процесс передачи эмоционального и интеллектуального содержания» [1, с. 11];

– коммуникация – это «процессы перекодировки вербальной в невербальную и невербальной в вербальную сферы <...> То есть для коммуникации существен переход от говорения Одного к действиям Другого. Именно ради этого реализуется переда-

ча значений между двумя различными автономными системами, которыми являются два человека» [4, с. 14].

Приведенные определения составляют лишь ничтожную часть от всех существующих, но они позволяют судить о том, что, несмотря на многоаспектность понятия «коммуникация», практически все они основываются на процессе обмена информацией, то есть на том, что коммуникация – это обмен информацией или ее передача. Подобное тождество суть процесса коммуникации.

Однако систематизация только понятий коммуникации не будет плодотворной для осмысления сущности данного процесса упорядочивания коммуникативных моделей в силу того, что коммуникативное моделирование является основной формой познания коммуникации.

Популярность моделирования демонстрируется существующим количеством и разнообразием моделей коммуникации. В силу того, что каждая модель фиксирует определенное (субъективное) отношение к миру того, кто эту модель конструирует и задачу ее создания, наблюдается междисциплинарность и многодисциплинарность коммуникативных моделей. Проблемы коммуникации рассматриваются техническими науками, биологией, психологией, социологией, философией, культурологией, лингвистикой и т.д., причем каждая из перечисленных наук конструирует свою коммуникативную модель (и не одну), ставя «во главу угла» наиболее значимые для нее особенности, черты и механизмы данного процесса. Возникшее таким образом разнообразие моделей коммуникативного акта вынуждает предпринимать попытки систематизации и упорядочивания существующих моделей, чтобы обеспечивать их осмысление и корректность. Таким образом, целью данной статьи является нахождение методологических средств для упорядочивания моделей коммуникативного акта.

¹ Исследования проводились при поддержке гранта РФФИ № 04-06-80192.